

Федосова Елена Владимировна**Fedosova Elena Vladimirovna**

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
Северо-Осетинского института гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева –
филиала Владикавказского научного центра РАН

PhD in Social Science,
Senior Research Fellow,
North Ossetian Institute for Humanities
and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences

Дзагурова Наталья Хаджумаровна**Dzagurova Natalya Khadzhumarovna**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Северо-Осетинского института гуманитарных
и социальных исследований им. В.И. Абаева –
филиала Владикавказского научного центра РАН

PhD in History,
Senior Research Fellow,
North Ossetian Institute for Humanities
and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences

МЕЖДУ ПОДЧИНЕНИЕМ И СВОБОДОЙ: ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ОСЕТИНСКИХ ЖЕНЩИН В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (ИНТЕРВЬЮ)

BETWEEN SUBMISSION AND FREEDOM: PRIVATE LIFE OF THE OSSETIAN WOMEN IN THE LATE SOVIET PERIOD (AN INTERVIEW)

Аннотация:

В настоящей статье на основе социологических интервью рассматривается частная жизнь осетинских женщин в позднесоветский период. Выделяются и анализируются две главные модели семейно-брачных взаимоотношений в Северной Осетии: традиционная и модернизированная. Частная (приватная) сфера жизни осетинских женщин в рамках традиционной модели строилась на базе патриархальных традиций осетинского общества. Модернизированная модель в основе имела советскую гендерную политику, направленную на формирование гендерного равноправия. Несмотря на диаметрально противоположные условия организации аспектов частной жизни женщин, эти практики сосуществовали параллельно в осетинском культурном пространстве. Сделан вывод, что представители разных социальных слоев имели практические знания об этих моделях, символические и социальные границы данных практик были проницаемы.

Ключевые слова:

женщины, частная (приватная) жизнь, гендерный сценарий, «теория практик», модели семейно-брачных отношений, интервью.

Summary:

Based on the sociological interviews, the paper discusses the private life of the Ossetian women in the late Soviet period. It identifies and analyzes two main models for family and marriage relationships in North Ossetia: the traditional and modernized ones. Private life (privacy) of the Ossetian women within the traditional model for family and marriage relationships was based on the patriarchal traditions of the Ossetian society. The modernized model for family and marriage relationships was grounded on the Soviet gender policy aimed at establishing gender equality. Despite the diametrically opposite aspects of the private life of women, these practices coexisted side-by-side in the Ossetian cultural environment. The authors concluded that the representatives of different social strata had practical knowledge about these models; the practices under review had permeable symbolic and social boundaries.

Keywords:

women, private life (privacy), gender scenario, “theory of practices”, models for family and marriage relationships, interview.

Изучение частной, или приватной, жизни женщин в постсоветской социологии оформилось в довольно солидную традицию гендерных исследований. Однако до недавнего времени традиционный социологический анализ гендерных отношений базировался на концептах социологии семьи, в которой доминировало изучение тех аспектов семейной жизни, где присутствовал государственный интерес: различных форм семейно-брачных отношений, причин и числа разводов, репродуктивного поведения, воспитания детей и т. д. Не умаляя научного и прикладного значения подобных исследований, необходимо отметить, что семейно-брачные отношения в этих рамках рассматривались с позиций институционализма: «здоровая семья – основа здорового общества» [1]. В итоге это привело к потере собственно социологического фокуса на частной жизни семьи.

Главной целью статьи является реконструкция частной жизни осетинских женщин в позднесоветский период на основе биографических интервью. Центральными категориями анализа выступают замужество и выстраивание женщинами взаимоотношений с новыми родственниками со стороны мужа, которые они рассматривают как определенную форму социального капитала. В рамках обозначенных категорий изучены нормативные и отклоняющиеся (обряд «*умыкания невесты*») практики начала семейно-брачных отношений.

Эмпирическую базу исследования составили 20 интервью с женщинами, начало семейно-брачных отношений которых пришлось на 60–70-е гг. XX в. В ходе анализа использовали вариативную выборку нормативных и отклоняющихся сценариев выстраивания семейно-брачных отношений.

Для описания частной жизни женщин в Северной Осетии мы опирались на «теорию практик» Р. Коннелл [2], в рамках которой рассматриваются поведенческие практики индивидов, включенных в более широкие системы разных социальных институтов и общества в целом. Для описания гендерных практик в частной жизни осетинских женщин в позднесоветский период был использован также «парадигмальный сценарий», регулирующий гендерные взаимоотношения мужчин и женщин в патриархальном обществе на протяжении всего жизненного цикла [3]. Нормативные женские роли в данном сценарии жестко контролируются семьей и окружающим сообществом, несмотря на вариации патриархальных социумов.

Северная Осетия в позднесоветский период считалась наиболее промышленно развитой и эмансипированной республикой среди национально-территориальных образований Северного Кавказа. Первоначально, приступая к исследованию, мы предполагали, что советская гендерная политика, которая имела унифицированные подходы на всем пространстве бывшего Советского Союза, должна была привести к разрушению патриархальных основ семейной жизни и либерализации семейно-брачных отношений в национально-территориальных образованиях СССР, в данном случае в Северной Осетии. Однако, изучая и анализируя приватную сферу, мы обнаружили достаточно устойчивые патриархальные структуры, формирующие подобные отношения в указанный период. К ним можно отнести гендерную сегрегацию мужчин и женщин, контроль за поведением женщин со стороны старших, а также в некоторых случаях организацию брака представителями старшего поколения.

Российский исследователь гендерных отношений А. Темкина при изучении семейно-брачных отношений в Средней Азии предлагает использовать дихотомию «традиционализм – модернизация» [4], где отношения в публичной сфере рассматриваются как модернизационные или эгалитарные, а в приватной, частной, – как традиционные. Подобный подход, на наш взгляд, применим и при анализе гендерных отношений в республиках Северного Кавказа. Традиционный сценарий женского поведения при вступлении в брак даже в относительно модернизированном обществе не предполагает наличия вариаций, поэтому в ходе работы в рамках данной тематики удалось восстановить его на основе полученных интервью.

Центральным моментом в доминирующем гендерном сценарии позднесоветского периода было «уважение к старшим», прежде всего к мужчинам, среди собственного родственного окружения и «принимающей стороны» мужа. Традиционный гендерный сценарий формировал достаточно жесткие модели организации семейно-брачных отношений. К ним относятся следующие:

- традиционная модель, предполагавшая жесткую половозрастную субординацию женского поведения, особенно в начальный период брака;
- модернизированная советской гендерной политикой модель, смягчавшая жесткую половозрастную субординацию женского поведения;
- модель поведения в случаях развития «критического» варианта («умыкания невесты») начала семейно-брачных отношений.

1. Традиционная модель семейно-брачных отношений

Данная модель в осетинском обществе представляет собой достаточно жесткие нормативные требования, которые охватывают весь жизненный цикл индивида. Она и в настоящее время является доминирующей в Осетии, и все действия в семейно-брачной сфере репрезентируются сообразно данной практике: либо как соответствующие ей, либо как отклоняющиеся от нее.

Основные нормативные образцы этой модели отражены в традиционном осетинском культурном пространстве и в индивидуальных практиках представителей разных поколений. Доминирующие предписания в рамках традиционной модели связаны с жесткой половозрастной субординацией и подчинением старшим в семье. Это подтверждают и наши информанты.

«Иерархия соблюдалась четко, имею в виду за один стол со свекром и старшим братом мужа я не садилась, в лишние беседы с ними не вступала, замечания какие-либо ни по какому поводу – это и в голову не приходило. Конечно, со временем это немного сглаживалось, ведь и мы выросли, свои дети росли, авторитет наш в семье рос, и поэтому, конечно, я могла в определенных рамках позволить общение и даже обсуждение некоторых семейных вопросов со своими деверьями и только. Со свекрухой отношения были другими, но это не означает, что панибратствовали. Все равно, так как она старшая женщина в доме, я вынуждена была считаться с ее мнением» (женщина-осетинка, образование среднее специальное, вышла замуж в 1968 г.).

«Я сразу не посчитала за труд делать те вещи в доме, которым меня учили. Рано вставать, услужливо относиться ко всем членам семьи, не раболепно, а скорее всего, уважительно. Знать место младшего перед старшим, между мужчинами семьи и невестой. Соблюдать традиционный этикет в новой семье. Подать чай, накрыть на стол, убрать за всеми, я считаю, я себя ничем и ни перед кем не унизила, но таким поведением и отношением я выстроила отношения с новой семьей» (женщина-осетинка, образование среднетехническое, вышла замуж в 1960 г.).

«...С первого дня все домашнее хозяйство было на мне. Традиции наши в то время были таковыми... В доме, куда я пришла, были свекор и свекруха. Жизнь непростая, например, если

я выходила из комнаты, где мог находиться дед (свекор), я из комнаты выходила спиной, не дай бог спиной повернусь к старшим, т. е. нужно было лицом.

Да, он еще мне говорил почему-то – утром всегда старайся вставать рано, лучше в середине дня старайся отдохнуть – вздремнуть, но хотя мне грех жаловаться на свою свекруху, но она это не приветствовала и не понимала, и я никогда, как говорится, не могла воспользоваться его советом.

А потом, когда нужно было спать, как невеста пока переделаешь все свои обязанности, как невестка в доме: это в первую очередь угодить, помочь старшим в доме, потом убрать, приготовить, дети. Времени с утра до ночи не было даже присесть. Как молодая невеста, и потом тоже долго не имела права и не могла разговаривать практически со всеми старшими, даже к своей свекрухе я год не могла обращаться напрямую. Поверьте, я никогда даже лишнего слова не позволила сказать своей свекрухе, даже если мне было что-то не душе или была чем-то недовольна» (женщина-осетинка, образование среднее, вышла замуж в 1958 г.).

Традиционная организация семьи прежде всего отражает безусловное подчинение женщины родителям мужа, его братьям и другим родственникам. При этом в традиционной модели семейно-брачных отношений, как и в современных реалиях, очень большое значение придавалось организации свадебных торжеств. В осетинском обществе данное мероприятие строго регламентировано. Вступление в брак, включающее несколько этапов сватовства, собственно саму свадьбу и послесвадебные ритуалы, направленные на урегулирование и выстраивание взаимоотношений между породнившимися родами [5], для микросоциума осетинской женщины зачастую было самым главным событием жизни. Женщина, вышедшая замуж, резко повышает свой социальный статус в глазах окружающих. Замужество – это определенный вид социального капитала, которым обладает женщина в глазах окружающего ее сообщества.

Данное событие в жизни молодых людей довольно строго контролируется старшими фамилий со стороны и жениха, и невесты. Нарушение правил в организации семейно-брачных отношений, например «умыкание невесты», наши информанты описывают в терминах «позор умыкания», «издавна это у нас, у дигорцев [6], вообще считалось позором», «постыдно было выходить замуж таким путем», несмотря на то что в современном осетинском обществе этот ритуал практически превратился в рутину.

Для заключения брака необходимо было согласие старших членов семьи. Их одобрение – фактически «парадигмальный сценарий» семейно-брачных отношений, который легитимизирует выбор молодых.

«Мне уже исполнилось 22 года, и в это время я, наверно, приглянулась одному парню. Я, конечно, замужество вообще не рассматривала, я была устремлена поступать. Но жизнь так закрутилась, что практически вся наша родня стала уговаривать меня выйти замуж, вплоть до многих старших фамилии. В то время было так, во-первых, мне было уже 22 года, а во-вторых, мой будущий муж считался хорошим парнем, достойным женихом, а тогда этими вопросами замужества молодых девушек интересовались многие близкие родственники, поэтому стали мне советовали выйти замуж старшие моей ближней родни. Я, конечно, вынуждена была прислушаться к их мнению. Тем более не было гарантии, что меня не украдут – умыкание. Я подумала и решила, чем пройти через позор умыкания, лучше послушаю умных и уважаемых людей и выйду замуж достойно. И я согласилась» (женщина-осетинка, образование среднее, вышла замуж в 1958 г.).

«Вышла замуж 9 июня в 1968 г. Так как мы жили недалеко друг от друга, то предсвадебный сговор проходил более коротко. Я имею в виду то, что в то время перед свадьбой семьи пытались разузнать друг о друге по возможности больше информации, а затем послы от жениха должны были приходиться не один раз, а многократно. Это было обязательным условием предсвадебных хлопот, а скорее всего – дань традициям. Имею в виду, каждая сторона старалась обозначить свой общественный статус» (женщина-осетинка, образование среднее специальное, вышла замуж в 1968 г.).

Таким образом, основу традиционного гендерного сценария осетинского общества в позднесоветский период составляли почитание и подчинение старшим со стороны как собственной семьи, так и фамилии мужа. Статус осетинской женщины начинал повышаться с рождением детей, когда она обретала власть над младшими членами своей семьи. По мере достижения старшей возрастной группы женщина могла рассчитывать на почитание и уважение детей и близких, а также окружающего ее сообщества.

2. Модернизированная модель семейно-брачных отношений

По несколько иным лекалам выстраивалась модернизированная модель семейно-брачных отношений в осетинском обществе в позднесоветский период. Она так и не стала доминантной, но получила определенное распространение прежде всего среди имеющих чаще всего высшее образование осетинских женщин. Их практики организации семейно-брачных отношений по многим параметрам выстраивались на основах советской идентичности. Предсвадебные, свадебные и послесвадебные мероприятия в отличие от таковых традиционной модели данных отношений

носили более упрощенный характер. Женщины-информанты, принадлежащие к этой группе, были заняты в публичной сфере. Как правило, учителя, врачи, представители науки, культуры отличались высоким уровнем социальной мобильности и даже были ориентированы на заключение межнациональных браков.

«Сватовство состоялось особенно, свекровь моя сама ездила к моим родителям и сама вела переговоры. Будущий мой свекор был прикован к постели, и поэтому все переговоры вела сама моя будущая свекруха. Состоялся съезд с моими отцом и матерью. Была очень скромная свадьба. Пригласили моих однокурсников и очень небольшой круг близких родственников, всего 30–40 человек. Свадьба была 2 дня. Моя свекровь – очень хороший человек. Свадьба была полутрадиционная, 2 дня» (женщина-осетинка, образование высшее, доктор наук, вышла замуж в 1961 г.).

«Мой муж достаточно долго ухаживал за мной, но поженились мы, когда я уже закончила аспирантуру в Ростове и защитила кандидатскую диссертацию. Свадьба у нас была комсомольская, зарегистрировались, собрались с друзьями в кафе, вот и все... Начали жить, так как и у меня, и у него мамы уже умерли, то жили мы отдельно в городе <Владикавказ>, сначала снимали квартиру, затем муж от завода получил собственную квартиру» (женщина-осетинка, образование высшее, доктор наук, вышла замуж в 1973 г.).

Публичная и приватная жизнь была более свободной и насыщенной, семья и семейно-брачные отношения хотя и не имели вторичный статус, но, можно сказать, шли параллельно с работой. Так как большая часть женщин была занята в массовых профессиях советского периода в областях культуры, образования, здравоохранения, эта профессиональная принадлежность позволяла им относиться к классу «советской интеллигенции». Данная общественная прослойка во многом формировала модернизированные практики семейно-брачных отношений.

«Свекровь моя была преподавателем 28-й школы, 40 лет в начальных классах. Очень образованная, в общем интеллигент. С первого дня она отвергала все условности традиционной культуры кавказских народов, попросила сразу же отбросить все условности, например уайсадага [7] и др. Она очень добра была ко мне. Я сразу же после окончания вуза приступила к своей научной работе. Мне приходилось ездить в командировку в Москву, кроме этого, работа моя предполагала полевые исследования. Моя семья всегда в этом была на моей стороне» (женщина-осетинка, образование высшее, доктор наук, вышла замуж в 1961 г.).

Однако в этих семьях сохранялись определенные традиционные ритуалы семейно-брачных отношений.

«Семья, в которую я попала, понимала меня. Тем не менее условия, которые они мне создавали, не означали для меня быть эпицентром всей жизни этой семьи. Несмотря на мою занятость, я всегда помнила, что в доме есть старшие, к которым надо относиться с уважением, а уважение это заключалось в соблюдении тех основополагающих законов – традиций. Соответственно, они закрывали на многое глаза. Это частые командировки, т. е. мне приходилось уезжать из дому, оставляя своих детей на попечение мужа и свекрови, и заниматься своей научной работой. Это очень важно было для меня» (женщина-осетинка, образование высшее, доктор наук, вышла замуж в 1961 г.).

Модернизированный гендерный сценарий обладал большей степенью вариативности и свободы в частной жизни по сравнению с традиционной моделью семейно-брачных отношений.

В позднесоветский период в Северной Осетии происходила постепенная либерализация семейно-брачных отношений, однако необходимо учитывать, что не было сформировано единого поколения, у которого были бы общие нормативные взгляды на частную сферу жизни. Женщины разных социальных слоев реализовали различные практики приватных отношений. Они сосуществовали параллельно в осетинском культурном пространстве. Представители разных социальных слоев имели практические знания об этих практиках, поскольку их символические и социальные границы были проницаемы.

Ссылки и примечания:

1. Голод С. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998. 269 с. ; Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. 608 с.
2. Connell R.W. Gender and power: Society, the person and sexual politics. Cambridge, 1987.
3. Темкина А. Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана) // Laboratorium. 2010. № 1. С. 129–159.
4. Темкина А. «Подчинение старшим» vs разрушение патриархата: женская сексуальность в браке (Северный Таджикистан) // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4, № 4. С. 439–474.
5. Осетинские обычаи / сост. Г. Агнаев. Владикавказ, 1999. С. 75.
6. Дигорцы – субэтнос осетин, разговаривающий на дигорском диалекте осетинского языка.
7. Обычай «избегания» невесткой не только свекра, но и деверя.